

Теория. Методология

© 2001 г.

М.А. ХЕВЕШИ

МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО В XX ВЕКЕ

*ХЕВЕШИ Мария Аковевна - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН.*

Проблемы массового общества анализировались в социальной философии на протяжении всего XX века. Более того, исследование социального явления - "омассовление" - имело место в XIX в. Ф. Ницше обращал пристальное внимание на то, что массы начинают приобретать в обществе главенствующее значение, резко критиковал этот процесс, считая, что европейская культура не желает задумываться над этим явлением и устремляется к катастрофе, ибо происходит обезчеловечивание человека. В XIX в. начинается исследование психологии масс, толпы; появляются работы Лебона, Тарда. В начале XX в., особенно после первой мировой войны, Октябрьской революции, прокатившейся волны революционных событий по Европе, социально-теоретическая мысль оказалась перед необходимостью осознать эти социальные события, так или иначе реагировать на них.

Трактовка "омассовления" в первой половине XX в.

Осмысливая социальный опыт начала века, М. Шелер говорит, что в современной ему жизни происходит уравнивание условий жизни, формируется гомогенное общество, человек становится частью массы, лишается индивидуальных качеств. Шпенглер в своем разделении культуры и цивилизации оценивает массовое общество, как общество, которое обращено к большинству. Масса выступает у него как нечто совершенно бесформенное, с ненавистью преследующее всякую форму, всякое упорядоченное знание. Масса предстает как внутренний враг общества, а Закат Европы выражается в процессе "омассовления". Для Мангейма "массовое общество" является синонимом индустриального общества. Оно размывает основы либерально-демократических режимов, ибо не может контролировать и регулировать систему социальных институтов. Фундаментальная демократия заменяется, по его словам, "негативной демократизацией", когда реальной властью обладают не имеющие ни культурных, ни моральных ценностей прозаические представители капитала, бюрократии, политические демагоги.

Участие масс в социальных столкновениях XX в. не могло не интересовать социологию. Дюркгейм писал, что люди, оказавшиеся в массе, согласуют свои чувства и представления, как бы выходя из "своих ментальных ячеек". Массы, считает он, способны на интеллектуальное, религиозное творчество. На неконтролируемой эмоциональной основе возникает механизм объединения людей в массы, их соединяет одержимость, придающая им новые силы. По Дюркгейму речь здесь идет о вполне нор-

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 0003 0008.

мальном явлении, о функционировании элементарного механизма общественной жизни. В развитых обществах коллективное сознание составляет основу солидарности, сплоченности общества. Общая вера в примитивных обществах, согласно его трактовке, часто возрождается в жизни любого общества.

М. Вебер в трактовке роли лидера и его харизмы говорит об эмоциональности масс, их взаимоотношении с лидером, об их вере в харизматического лидера. При этом он подчеркивает, что харизма есть власть "анти-экономического типа". Согласно его трактовке политический вождизм тесно связан с возникновением на Западе конституционных государств, с развитием демократии. Воздействуя на эмоции масс, вождь - демагог приводит массы в движение, он говорит о "диктатуре, покоящейся на использовании эмоциональности масс".

По К. Ясперсу "массовое общество" - болезнь XX в., а сама масса - род существования и разложение человеческого бытия, когда мир попадает в руки посредственности. Масса нерасчленена, одноформенна, беспочвенна, не обладает самосознанием, ей недоступно чувство ответственности. Массовое общество, при котором происходит стандартизация всех форм общественной жизни, согласно Ясперсу, неизбежно порождает тоталитарный режим со "стадным существованием".

Наиболее детально исследуется проблема массового общества в работе Ортега-и-Гассета "Восстание масс" (1930 г.). Речь у него идет о том, что в отличие от прежних времен, когда массы находились у "задников общественной сцены", сейчас они на авансцене истории, что и вызвало тяжелейший кризис в Западной Европе. Масса захватывает не только больше пространства, но и больше общественных функций. Он пишет о невиданном ранее росте населения земли и небывалой скученности больших городов. Он обращает внимание на то, что средний уровень жизни в XX в. поднялся по сравнению с прошлым. Можно говорить о небывалом увеличении спектра человеческих возможностей, расширении пространственных и временных границ его мира. Произошло это внезапно, за одно поколение, что есть и благо, и зло. Благом он считает массовое просвещение, подъем жизненного уровня людей, огромный рост жизненных возможностей человека. Зло же во всеобщей нивелировке, выравнивании прав, культуры, классов, полов. Он вводит понятие "человек-масса". Это не классовое, не социальное, а чисто психологическое понятие. Речь идет о среднем человеке, который чувствует себя "как все". Будучи посредственностью, он придавлен собственными неограниченными возможностями. Зная, что он посредственность, он "имеет нахальство повсюду утверждать и всем навязывать свое право на посредственность". Приобщаясь к благам цивилизации в столь быстрых темпах, он не усваивает культуры прошлого, более того, - отрицает ее. Он лишен исторического сознания.

По Ортеге, в лоне цивилизации возник дикарь, который не замечает, что живет в цивилизованном мире; восстание масс - это восстание против интеллектуальных и моральных основ общества. Объясняет он это положение тем, что современная цивилизация ставит перед человеком сложные задачи, решение которых столь запутано, что он нередко стремится уклониться от их решения. Накануне прихода нацизма к власти, располагая определенным опытом большевистского правления, он предупреждает, что в Европе появился тип человека, который не хочет ни сам признавать чужую правоту, ни сам быть правым. Отсюда отказ от дискуссий, смертельная ненависть к тем, кто придерживается другой точки зрения. И дело не в том, что человек-масса якобы глуп. Более того, Ортега считает, что он обладает большим интеллектом, чем человек прошлого, не желая использовать свой интеллект. Приход масс в политику предстает у него как торжество сверхдемократии, когда массы не уважают закон, действуют путем насилия. Подобные действия масс, как правило, принимают форму суда Линча, и Америка рассматривается им как "райское пристанище масс". В этом смысле он говорит об отказе от культуры.

Анализ тоталитаризма и его поддержки массами

Исследование масс и их поведения в XX в., понимание сути возникновения "массового общества" связано с осмыслением Второй мировой войны с ее массовыми жертвами, с осмыслением сути тоталитарных режимов. Несомненно, что эти режимы не просто поддерживались широкими массами, но и существовали за счет этой поддержки. Жаждавшие лучшей жизни массы готовы были верить, что предлагаемые им планы переустройства мира, пусть путем откровенного насилия, реальны и осуществимы. Человек, объявленный винтиком огромной государственной машины, ощущал себя в массе хозяином, творящим не только и не столько свою жизнь, сколько саму историю.

Э. Фромм в своей работе "Бегство от свободы" (1940) ищет ответ на вопрос: как и почему фашизм нашел широкую поддержку в массах немецкого народа? Для понимания этого, считал он, важно иметь в виду, что для обычного человека нет ничего тяжелее, чем непринадлежность к общности, что ради, принадлежности к группе он готов жертвовать многим.

Не меньшее значение имеет осмысление того, что процесс развития человеческой свободы противоречив, двойственен. В современном мире возникает ситуация, при которой человек все больше ощущает не только свою свободу, но и изолированность от других людей. Свобода, которую человек приобрел по сравнению с человеком доиндустриального общества, поставила его перед тяжелым выбором: взвалить на себя бремя ответственности, либо избавиться от этого бремени, подчинив себя другому. Это и есть "бегство от свободы". Фромм говорит, что главные пути бегства от свободы - подчинение вождю при тоталитарных режимах или конформизм, преобладающий при демократии. Это откат назад, бегство от невыносимой ситуации, в которой человек не может больше жить, отказ от собственного "Я". Отрекаясь от себя, приобщаясь к массе, индивид "при этом обретает новую уверенность и новую гордость в своей причастности к той силе, к которой он теперь может себя причислить". Такой силой в Германии выступала власть в лице фюрера. Фромм говорит, что миллионы людей, которые были охвачены чувством собственного ничтожества и бессилия, теперь находились под впечатлением побед, одержанных властью. Более того, люди "получали эмоциональное удовлетворение от этих садистских спектаклей и от идеологии, наполнявшей их чувством превосходства над остальным человечеством" [1, с. 135-186]. Говоря о массовых манифестациях и митингах во времена Гитлера, он подчеркивал, что их необходимость выражалась в том, чтобы люди почувствовали себя приверженцами большого сообщества, что прибавляло им силы и бодрости.

Свое ничтожество и бессилие человек, по Фромму, может ощущать и при демократии, когда в "массовом обществе" подавляется творческое мышление. Как катастрофу он выделяет в таком обществе действия СМИ, где "сообщения о бомбардировках и гибели тысячи людей бесстыдно сменяются - или даже прерываются рекламами мыла или вина". Прогресс демократии связан с действительно позитивной свободой, дающей возможности развитию творчества человека. Он не имеет ничего общего с бегством от свободы, с негативной свободой, определяемой как свобода "от".

В плане исследования поддержки массами тоталитарных режимов интерес представляет книга Ханни Арендт "Истоки тоталитаризма" (1951). Саму возможность тоталитаризма Арендт объясняет тем, что в XX в. классы превращаются в массы. Появление империализма сопровождалось перенакоплением капитала и экспансией. Чтобы дать им выход, империализм нуждался в помощи толпы, широких масс. Выкинутые кризисом за пределы общественного производства, эти, по ее определению, отбросы человеческого общества также заинтересованы в своем применении. Казалось, только экспансия способна разрешить экономические и социальные проблемы их существования.

Война, по словам Х. Арендт, есть великая прелюдия к распаду классов и их превращению в массы. Страдания огромной массы людей как бы служат доказатель-

ством, что общепринятые правила и нормы перестали действовать. После войны появилось огромное количество людей, выброшенных из своих стран, лишенных гражданства, оказавшихся вне национальных и социальных групп, без глубоких корней в земле, в которой они проживают. Поэтому у них не было законопослушания и обязательств по отношению к государству. Парадокс, заключенный в потере человеческих прав, таков, что эта потеря тотчас превращает человека в биологическую особь, в человека вообще - без профессии, без гражданства, без мнения, без дела, по которым можно узнать и выделить себя из себе подобных. Опасность в том, что мировая всеохватывающая цивилизация может порождать варваров, вынуждая миллионы людей жить в условиях, которые вопреки видимости суть условия для дикарей. Политическая дезинтеграция в результате первой мировой войны превратила сотни тысяч людей в бездомных, лишила их государства. Безработица сделала миллионы людей экономически лишними и социально обременительными. Все это Арндт связывает с тем, что права человека на деле были только сформулированы, не имели необходимых политических гарантий и утратили в своей традиционной форме всякую значимость. Наличие такой ситуации явилось предпосылкой возможности концлагерей с их "безумным массовым производством трупов". Согласно Арндт, империализм привел к разложению общественных классов, к созданию бесклассового общества масс, когда жизненные стандарты человека определяются не столько принадлежностью к определенному классу, сколько теми влияниями и убеждениями, которые молчаливо разделяются всеми классами общества в равной мере. Общий интерес у масс отсутствует, они соединены отнюдь не сознанием общих интересов. Складывается ситуация, когда угнетение, эксплуатация не являются главными причинами возмущения масс, ибо они воспринимаются как механизм, заставляющий общество функционировать. Война сделала во многом невозможным нормальное функционирование общества, разрушила социальную иерархию. "Крушение классовой системы, единственной системы социальной и политической стратификации европейских национальных государств безусловно было одним из наиболее драматических событий в недавней немецкой истории и также благоприятствовало росту нацизма как и отсутствие социальной стратификации в громадном русском сельском населении... способствовало большевистскому свержению демократического правительства Керенского". Огромное большинство общества превратилось в бесструктурную массу озлобленных индивидов, не имеющих ничего общего, кроме представления, что власти глупы и являются мошенниками. Арндт называет это ужасающей отрицательной солидарностью. "Старая присказка, будто бедным и угнетенным нечего терять кроме своих цепей неприменима к людям массы, ибо они теряли намного больше цепей нищеты, когда утрачивали интерес к собственному благополучию: исчезал также источник всех тревог и забот, которые делают человеческую жизнь беспокойной и исполненной страданиями. .. Гигантское омасовление индивидов породило привычку мыслить в масштабе континентов и чувствовать веками" [2, с. 404, 416, 420].

Бесструктурные массы, по Арндт, склонны не верить в реальность своего опыта, как она выражается, они не верят ушам и глазам, а верят только своему воображению. Массами овладевает желание уйти от реальности, представляющейся как непостижимая. Арндт обращает внимание на то, что восстание масс против здравого смысла - результат потери ими своего социального статуса, коммуникативных связей. Дело не в том, что массы глупы или слабы, а в том, что в ситуации общей катастрофы твердая, фанатичная вера в вымышленный непротиворечивый мир даже ценой жертв "гарантирует массам минимум самоуважения". Всеобщая изолированность, одиночество и создали атмосферу, сделавшую возможным распространение массового террора. Тоталитаризм именно потому по-своему организовал массы, что для них это, по словам Арндт, оказалось формой самоубийственного бегства от реальности массового одиночества.

Основной целью политики тоталитаризма, считает она, является не революционное изменение общества, не передел мира, а переделка самой человеческой природы. При

такой задаче уничтожение людей становится нормальной процедурой. В концлагерях человеческие массы не просто изолировались, а рассматривались как уже несуществующие. Тоталитаризм стремится не к деспотическому господству над массами, хотя террор выступает как инструмент управления покорными массами. Но, согласно Арндт, тоталитаризм стремится к обновлению системы, при которой массы становятся ненужными, излишними, ибо они не соответствуют предлагаемому стандарту. Искоренение всякой групповой солидарности, наличие аморфной структуры общества предполагает наличие фюрер-принципа. Без него массам не хватало бы внешнего наглядного представления и самовыражения. Бесформенная, рыхлая орда, массы и вожди в тоталитарном обществе зеркально отражают друг друга.

Арндт считает ошибочным мнение о всеисилии пропаганды. Причину ее воздействия на массы она усматривает в том, что в непостижимом, быстро меняющемся мире массы оказались в состоянии, когда они готовы верить всему и не верить ничему, верить, что возможно все, и верить, что нет ничего истинного. Они не возражали быть обманутыми. В этих условиях можно было заставить людей в один день поверить в фантастические планы, а на следующий день, получая доказательства того, что их обманули, эти же люди будут уверять: они знали, что речь идет об обмане и усматривали в этом тактическую мудрость вождя. Массы предрасположены к любой идеологии. Но в ситуации после первой мировой войны для масс наиболее привлекательными оказались две идеологии: идеология, толкующая историю как экономическую борьбу классов, и идеология, трактующая историю как борьбу рас. В обоих случаях собственный народ оказывается неповторимым, наделенным особой исторической миссией. И нацисты, и коммунисты обещали нивелировку социальных и имущественных различий. Понятие бесклассового общества предполагало подведение всех под единый статус. Вымышленный мир, пишет она, помог лишенным корней массам избавиться от нескончаемых шоковых ситуаций.

Трактовка "массового общества" во второй половине XX в.

Предметом исследования массовое общество вновь становится в послевоенные 50-60-е гг. XX в., что имело свои причины. В эти годы наряду с массовым производством возникает невиданное ранее по масштабам массовое потребление. Массовое потребление является и источником и продуктом массовых форм их удовлетворения. Массовый спрос неотделим от массового предложения. Массовое производство тесно связано со стандартизацией предметов производства, с запуском на конвейер одинаковых вещей, а следовательно и со стандартизацией предметов потребления. Во второй половине XX в. процесс стандартизации распространяется на все сферы жизни. Общество "всеобщего благоденствия", иными словами, общество массового потребления с его заметным ростом средних слоев, породило современное понимание "массового общества" с его массовой культурой, со стандартизацией вкусов, привычек, образа мышления преобладанием одинаковых стереотипов. Происходит усреднение образа жизни множества людей. Их нивелировка независима от благосостояния, профессии, уровня образования. Все слушают радио, смотрят телевизор и получают более-менее одинаковую информацию. С развитием средств массовой информации, появлением почти в каждом доме газет, журналов, радио и телевизора, а теперь и компьютера с сетью интернета, появляется не просто массовый читатель, слушатель, зритель, а универсальная публика, потребляющая одинаковую информацию. СМИ разрушили многие границы в культуре. Термин "омассовление" отражает процессы нивелировки жизненных форм, поведения, взглядов, характерные для второй половины XX в.

Одновременно возникают и специфические массовые способы социальной деятельности. Массовое общество предполагает наличие равных прав и обязанностей, наличие массовой мотивации общественной деятельности. Оно теснейшим образом связано с массовой демократией, всеобщим избирательным правом, с представлениями,

что любой человек в состоянии воздействовать на власть. Появление всеобщего избирательного права тесно увязало информацию и демократию. Информация стала товаром, как правило, получаемым из вторых рук - СМИ. По мнению многих теоретиков, в массовом обществе происходит резкое усиление власти бюрократии. Ведь сама суть бюрократии, как показал М. Вебер, связана со стандартным подходом к людям, с наличием стандартизированных людей. А сами социальные институты организованы так, что имеют дело с анонимным человеком, человеком массы. Массовые движения состоят не просто из больших масс людей, объединенных чаще всего идеей протеста, но часто поддерживаются социально неукоренившимися, невключенными в классы людьми.

Большинство авторов обоснованно увязывают массовое общество с массовой культурой. Само определение "массовая культура" возникло в 1944 г., когда в журнале "Политика" Д. Макдональдс в статье "Популярная культура" ввел в научный обиход это понятие. Он говорит о том, что современная технология не связана ни с национальными рамками, ни с политическими системами, ни с характером экономического развития. Унифицированная технология порождает унифицированные потребности и вкусы. Канадский теоретик коммуникационных технологий Маклюэн писал, что типография создала первый стандартно воспроизводимый товар, что век индустриализма породил не только массовый рынок, но и всеобщую грамотность. Электронный век приводит к состоянию всеобщей включенности, возникает новая община - "глобальная деревня". Современная техника и технология, компьютеры создали плотно взаимосвязанный мир, в котором облегчаются исполнения желаний, запросов человека. Возникают, по его словам, "дикари новой культуры".

Концепция массового общества отражает реальную проблему роли и места масс в современной жизни общества. Выявляется, что массы в массовом обществе - это и порождение существующих отношений, и их жертва. Поэтому при характеристике процессов "омассовления" имеют место как положительные, так и отрицательные оценки. При положительной характеристике массового общества акцент делается на том, что в нем увеличивается средний слой населения, стираются классовые различия или, происходит "стирание классовых стилей" (Д. Белл). Массам становится доступным многое из того, что раньше было уделом немногих. И хотя массовое общество включает в себя разнообразие и многосторонность, оно становится относительно гомогенным, в нем наличествуют многие общие духовные ценности. Дестратификация не отрицает дифференциацию общества в рамках определенного единства.

Большинство авторов, писавших о массовом обществе, выступало с позиций критики этого общества. Улучшение материального благосостояния масс, по их мнению, сопровождается духовной деградацией, деперсонализацией человека. Для человека массы современная жизнь оказалась слишком сложной для постижения, и он выстраивает ее по усредненной модели, подгоняя к шаблонам и привычным моделям. Массовое сознание подвергается невиданному манипулированию. Массовый характер демократии создает большую вероятность функционирования неквалифицированной власти, ее безответственности.

Столь же неоднозначная оценка дается роли СМИ. Американский социолог Мельвин де Флуэ в книге "Теория массовых коммуникаций" (1966 г.) отмечает, что распространено мнение о средствах массовой информации как об ответственных за снижение общественных культурных вкусов, за внедрение психологии преступности, за содействие моральному разложению общества, политическое усыпление массы. Но существует и противоположная точка зрения, согласно которой СМИ помогают разоблачению аморализма и коррупции, осуществляют на деле свободу слова, представляют развлечения массам, устающим от повседневного труда, информируют о событиях в мире, стимулируют через рекламу экономическую деятельность, распространяют научные, культурные ценности. Общественное мнение превратилось в постоянно действующий и действенный элемент общественной жизни.

При оценке роли масс приходится иметь ввиду, что они могут выступать и консер-

вативно, и прогрессивно, и апатично, и весьма активно. Поэтому вряд ли правильно вести речь только об осуждении или только о восхвалении масс. О неоднозначности процесса омассовления писали уже в середине XX века. Весьма интересна в этом плане трактовка массового общества, данная в работе католического мыслителя Р. Гвардини "Конец Нового света" (1954). Он прекрасно понимает все отрицательное, что несет в себе множество похожих друг на друга единиц, но в то же время исходит из того, что "масса" не несет в себе отрицательной оценки. Для современного человека естественно встраиваться в какую-то организацию и повиноваться программе. "Вместо того, чтобы протестовать против нарождающейся массы во имя культуры, основанной на личности, разумнее было бы задуматься над главной человеческой проблемой массы... приведет ли уравнение, неизбежное при многочисленности к потере только личности или также лица? Первое можно допустить, второе — никогда". Под лицом он понимает то единственное, что должно быть сохранено в каждом человеке, и сохранение этого есть верность человеческому долгу. По Гвардини масса, которая таит в себе опасность абсолютного порабощения и использования человека, дает ему шанс стать вполне ответственным лицом, если он сможет решать задачи внутреннего освобождения, "самокалывания" перед лицом все разрастающихся безличных сил. Положительную оценку масс он связывает с тем, что современные цели овладения миром столь сложны, что уже не под силу не только индивиду, но и кооперации людей индивидуалистического склада. Требуются столь согласованные действия, что они предполагают совершенно иной склад человека. "Сегодня этот процесс сопровождается неслыханным унижением человеческого достоинства и насилием над человеком, так что мы рискуем не заметить его положительного смысла... Товарищество, если в основе его лежит лицо, это величайшее благо массы, благодаря товариществу снова можно будет обрести - в новых условиях массового общества - человеческие ценности добра, понимания, справедливости" [3, с. 270-271].

Центральный вопрос, вокруг которого должна сосредоточиться грядущая культура, согласно Гвардини, — проблема власти, ибо положительная или отрицательная направленность власти зависит от целей, для которых она используется. Современный человек не дорос до правильного распоряжения властью, он даже не осознает этой проблемы. Должно сложиться духовное искусство управления, осуществляющее власть над властью.

В 60-е годы с их взрывом леворадикальных настроений распространение получили трактовки "левого толка", исходившие из того, что массы, выступая против существующего, освобождаются от гнета власти, запретов, осуществляя тотальный разрыв с прошлым. Эти установки мы находим в работах Райха, Маркузе, Фромма. По Маркузе массы должны начать с Великого Отказа от всего, что имеется в современном обществе. Все надежды на преобразование мира он возлагает на массы аутсайдеров, отверженных, люмпенов, национальные меньшинства, обездоленных третьего мира. Только они не интегрировались в современное массовое общество и поэтому способны его изменить. В работе Э. Канетти "Масса и власть" говорится, что вездесущей опасности "омассовления" не может избежать и интеллигенция; синдром "омассовления" всех слоев общества касается и элиты.

Роль и место масс, "массового общества" в XXI в.

В литературе о роли и месте масс в XXI в. мы сталкиваемся с двумя противоположными точками зрения. Первая - глобализация масс в современном мире, наиболее отчетливо выражена в работе французского автора С. Московичи "Век толпы". Вторая сводится к тому, что наступает век демассовизации. Это точка зрения пронизывает работы американского футуролога и социолога Э. Тоффлера.

Позиция Московичи основывается на том, что массы оказались в центре всех событий XX века, что современный мир живет в массовом обществе, где индивидуальная душа поработается коллективной. Для него масса - "это социальное жи-

вотное, сорвавшееся с цепи... Это неукротимая и слепая сила, которая в состоянии преодолеть любые препятствия, сдвинуть горы или уничтожить творения столетий". Массы выступают не просто как продукт разложения старого строя, а как эмблема цивилизации XX столетия. Объяснение "тревожных симптомов, терзающих нашу цивилизацию" надо искать в той роли, которую играют массы в жизни общества. Более того, в конце XX века можно говорить о некоей мистерии масс. Сами эти действия во многом определяются коллективными внушениями, осуществляемыми прежде всего через средства массовой информации. Массовое общество стало возможным и потому, что на протяжении одного поколения совершен переход от культуры слова к культуре "наглядных образов" (радио, комиксы, плакаты, телевидение и т.д.) Под массовизацией Московичи, как и Арендт, понимает стирание и смешение социальных групп. Место народа заняла аморфная совокупность индивидов. Повсюду мы наблюдаем, как он выражается, "царящие, но не правящие массы". Вслед за Лебоном подчеркнута ошибочность мнения, что образованные слои общества лучше противостоят коллективному влиянию, чем необразованные. "Масса - это не плебс, или "чернь", бедняки, невежды, пролетарии... - это все - вы, я, каждый из нас, как только люди собираются вместе, неважно, кто они, они становятся массой" [4, с. 27, 88].

Книгопечатание создало, подчеркивает Московичи, базу для критического мышления. Современные СМИ - техническая база автоматического, некритического мышления. Поскольку работа Московичи опубликована в 1981 г., добавим, что в настоящее время мы имеем дело с веком компьютеризации, интернета, что всемерно способствует процессу глобализации. К тому же Московичи обращает особое внимание на то, что массовое сознание не просто подвергается невиданной ранее манипуляции, оно во многом определяется мифологизацией, различного рода верованиями, наличием светских, а не только традиционных религий. Сами масштабы манипуляции во многом определяются возросшей мощью и возможностями государственной машины. Согласно его трактовке, мы имеем дело со стратегией массового гипноза, коллективного внушения. Гипноз оказался извлеченным из сферы медицины и внедрен в социальную сферу, в культуру в качестве парадигмы нормальных отношений. Вполне уместно возразить Московичи, что это явление не новое: в той или иной степени оно имело место на протяжении всей истории. Но при этом нельзя не согласиться, что вопреки ожиданиям просвещенных умов иррациональные моменты в поведении масс не только не оказались вытесненными, но продолжают оказывать весьма существенное воздействие.

В современном мире продолжается концентрация масс. Московичи отмечает, что "человеческие галактики распространяются на пространствах, где никто не предполагал устраниваться, живут там, где никто не собирался ничего строить. Они уносят с собой массы людей, порвавших нити традиций и верований... Вырванные из своей общественной ткани, они вовлечены эпизодическим трудом в круг медиа и потребления в соответствии с моделью, назовем ее американской, которая им чужда" [4, с. 449-450]. Эти люди, собранные вместе и "перемешанные в своих периферийных гетто", и составляют, по его мнению, авангард новых масс. Это предвестники "планетарного века толпы". В 80-е годы XX в. он говорит о том, что мы присутствуем при глобализации масс, при создании масс мирового масштаба. При этом он имеет в виду как создание наднациональных сообществ с их гигантскими городами и рынками, так и бурное развитие систем мультимедиа. Наступает, по его выражению, планетарный век толпы, масс со всеми свойственными им проявлениями. Массовые общества, по Московичи, варьируют от демократического деспотизма до деспотической демократии. Стихия масс — анархия, а не демократия. Необходим отказ от любого магического, идолопоклоннического осуществления власти, отказ от мифа о всемогуществе и величии вождя, изменяющего ход истории. Поэтому высказаться "за" или "против" магического осуществления власти столь же важно, как высказаться "за" или "против" применения атомной бомбы.

На противоположных позициях стоит Э. Тоффлер. Он не только не предсказывает "планетарный век масс", но исходит из того, что наступает век демассовизации.

В 1973 г. в книге "Футуршок" он пишет о том, что современное человечество является свидетелем второго великого водораздела в истории, сравнимого с переходом от варварства к цивилизации. Футуршок возникает как наложение новой культуры на современную. Ускоряется скорость перемен, ускоряется сам поток ситуаций; мобильность перетасовала все население. Зарождается новая система организации, и человек оказывается в принципиально новой ситуации.

Суть новой ситуации он видит в том, что организации, а следовательно и бюрократия, перестают играть прежнюю роль в жизни человека. Согласно его трактовке, речь идет о новой системе организации, о поражении бюрократии. Жизнь ставит перед человеком все более сложные, нешаблонные задачи. Человек оказывается в ситуации, когда вынужден действовать не по приказу сверху, а брать на себя ответственность за решение задач. Организации нужны для решения краткосрочных проблем, поэтому они не только создаются на короткое время, но и вынуждены быть динамичными. Человек больше не привязан к одной организации, он связан со многими организациями и не оказывается в непосредственной зависимости от бюрократической машины, перестает быть винтиком огромного бюрократического механизма. Он выступает как соучастник, а не винтик. Чувство преданности организации исчезает, усиливается преданность профессии. Общество становится более сложным. Там, где раньше было 1000 организаций, их станет 10 000, - не связанных друг с другом долговечными нитями. Супериндустриализму, а мы бы сказали информационному обществу, не нужны одинаковые люди. Более того, возникает потребность не в людях-роботах, а в творческих личностях. Согласно Тоффлеру, человеческая масса не только не спрессуется в однообразную конформистскую массу, но станет в социальном плане гораздо многообразнее, чем когда-либо раньше.

Переход к новой цивилизации ставит ряд новых сложных проблем. Так по мере относительного удовлетворения материальных потребностей на переднем плане окажется система удовлетворения психологических потребностей. Новые проблемы выйдут за политические или экономические рамки. Они будут связаны со способностью человека отличать иллюзии от реальности. Люди будущего окажутся не перед проблемой выбора, а перед проблемой избытка выбора. Произойдет, как он выражается, "перенапряжение от принятых решений". Новизна ситуации, ее разнообразие могут породить смятение и неуверенность, возможно, и апатию. «Утверждение, что мир "обезумел", что жизнь - "дрянь", интерес к галлюциногенным наркотикам, к астрологии и оккультизму, поиски истины в сенсации, экстазе... все это отражает повседневный опыт масс рядовых людей, которые видят, что они больше не могут разумно приспособляться к переменам. Миллионы людей ощущают вокруг себя патологию, но не понимают ее причин... Они коренятся в неконтролируемом и неизбирательном характере нашего стремительного движения в будущее» [5, с. 281].

Эти же идеи Тоффлер развивает в работе "Третья волна" (1980 г.). Третьей волной он называет постиндустриальную цивилизацию, в отличие от первой — аграрной и второй - индустриальной. Новую цивилизацию он связывает с разрушением массового индустриального производства. Согласно его трактовке, общество перестает быть массовым, рассыпается на мелкие разнообразные кусочки. Дифференциация продуктов и сервиса отражает растущее разнообразие действительных потребностей, ценностей и стилей жизни в обществе. Предстоит процесс радикальной децентрализации экономики на региональные и секторальные части; соответственно должно "прогрессивно децентрализоваться" и управление.

То, что может показаться хаосом, в действительности глобальная перегруппировка сил. Именно в этом смысле он говорит о "демассовизации" общества, более того, считает, что социальная демассовизация быстро прогрессирует. Вместо универсальных и массифицированных графиков процесс производства персонализируется, успешно развивается внемассовое производство, что приводит и к демассовизации рынка. Имеет место все большее количество подходов и точек зрения. Соответственно политика, культура становятся все более нестандартными. Серьезные изменения происходят

в коммуникационной среде - появляются все более разнообразные и многочисленные мини-издания, кассеты, диски и т.д. Все это разбивает стандартизированные подходы, шаблоны, разрушает стереотипы массового сознания. Наше видение мира становится индивидуализированным.

Рассуждения Тоффлера непосредственно касаются судеб массового общества, ибо "речь идет не о прямом продолжении индустриального общества, а о радикальной смене направления движения... Столкновение двух цивилизаций несет в себе грандиозную опасность" [6, 525]. И чем дальше мы уходим за пределы индустриального массового общества, тем больше классы и массы теряют свое значение, а "все те прочные узы, которые объединяли индустриальное общество - узы закона, общих ценностей, централизованного и стандартного образования, культуры — теперь рвутся" [5, с. 232]. Он отмечает, что согласно некоторым социологам, констатирующими тенденцию к разнообразию, можно говорить о возникновении "гнезд ценностей".

Новая цивилизация бросает вызов всем прежним установкам и представлениям о функционировании общества. Производство становится "ментальным", все больше возрождается личностное начало, при том, что мускульная сила неизбежно заменяется силой разума. Конец массового индустриального общества сопровождается и концом массовой демократии, порожденной индустриальным миром. Возрастающая социальная неоднородность разрушает само основание массовой демократии - массу как таковую. "Мозаичной экономике" будет соответствовать и "мозаичная демократия". Тоффлер говорит о том, что в политике наблюдаются те же тенденции. "Наши взгляды нестандартны, потому что консенсус в стране потерян, после того как общество раскололось на тысячи и тысячи "спорящих групп", каждая из которых яростно сражается за свои собственные узкие, часто временные принципы и идеи" [5, с. 414].

Конечно, масса людей как множество остается, но люди будут связаны совсем иными связями, чем масса в индустриальном мире. Глобализация не означает однородности. Усиливающая активность меньшинств - это отражение нужд новой системы производства, которое для своего функционирования требует более разнообразного, разноцветного открытого общества. Новая цивилизация должна возродить новую общность, без которой, по его словам, невозможно приличное общество. Он говорит даже о необходимости создания служб, занимающихся объединением людей. В появлении новой общности он усматривает сущность социальной эволюции и основанных на меньшинствах демократии XXI века.

При всей спорности трактовки Тоффлером сущности постиндустриального общества и социальных процессов, которые его сопровождают, видимо, несомненно, что положение и роль масс в информационном обществе изменяется [7]. Так же можно согласиться с его утверждением, что мир нуждается в новой сильной стратегии, которая могла бы управлять движением человечества к новой цивилизации. Человек вынужден перестать быть "бессознательной марионеткой эволюции" и "должен восторжествовать" над процессом перемен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1990.
2. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.
3. Феномен человека. Антология. М., 1993.
4. *Московичи С.* Век толпы. М., 1998.
5. *Тоффлер Э.* Футуршок. М., 1973.
6. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999. С. 525.
7. См. подробнее: *Хевеши М.А.* Толпа, массы, политика. М., 2001.